

Ван Дачжуан остановил самоистязание Сяньцзюня и, не смея терять ни мгновения, поспешно погрузил сознание в нефритовый свиток, быстро просматривая его содержимое.

Там было не так уж много информации, и вскоре он всё просмотрел. Лицо Ван Дачжуана покраснело до багрового оттенка. Подумав, что ему сейчас предстоит делать с Сяньцзюнем то, что описано в свитке, ему казалось, что макушка головы вот-вот закипит, и из неё повалит пар.

Но состояние Сяньцзюня не оставляло времени на психологические приготовления. Перевернув ладонь, он убрал свиток, затем забрался на ложе и с лицом, алым от крови, проговорил:

— Сяньцзюнь, тогда я... я...

Юй Чанцин боролся с действием лекарства. С закрытыми глазами, стиснув зубы, он изо всех сил подавлял в себе желание вскочить и наброситься на человека рядом. Он знал, что стоит ему лишь пошевелиться, обнять Ван Дачжуана, как, скорее всего, уже не сможет сдержаться, непременно сорвётся, а последствия будут такими, какие он не в силах вынести.

Он лежал, вцепившись пальцами в край постели, сдерживаясь до горького привкуса крови в горле, до крови на укушенных губах.

Он слегка повернул голову; по губам, которые Ван Дачжуан только что вытер, вновь потекла тонкая струйка крови.

Ван Дачжуан испугался, не смея больше говорить, и поспешно стал вспоминать содержание свитка. Неуклюже и суетливо он начал расстёгивать одежду Юй Чанцина, не решаясь пристально разглядывать его тело, затем в панике вытащил из шкафа ту самую круглую коробочку, которую обнаружил ранее. Из свитка он узнал её истинное «назначение», и теперь, глядя на неё, был готов сгореть от стыда.

Кожа на теле Юй Чанцина уже полностью стала розовой, грудь быстро и прерывисто вздымалась, пальцы крепко вцепились в край кровати. Почувствовав, как дрожащие руки Ван Дачжуана приподнимают его ногу, он изо всех сил старался расслабить напряжённое тело.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда внезапная острая боль заставила его почти помутневший разум на мгновение вновь проясниться. Он услышал испуганный голос Ван Дачжуана:

— Сяньцзюнь... я... я поранил тебя, кровь...

Юй Чанцин слегка приоткрыл глаза и сквозь мерцающие перед взором световые пятна взглянул на своего даолюя, который от раскаяния и досады был на грани слёз. Он разжал стиснутые зубы, выдохнул обжигающе горячий воздух с привкусом крови и едва слышно

произнёс:

— Ничего... не бойся... всё в порядке...

Прежде чем сознание вновь погрузилось в хаос, он снова поднял руку и, без тени колебаний, ткнул указательным пальцем в точку между бровей. Острая духовная сила пронзила море сознания, и под жалостный возглас Ван Дачжуана он полностью погрузился во тьму.

—— Я дружелюбная линия, гасящая свет ——

Когда Юй Чанцин снова пришёл в себя, светило солнце. Ранее он не пощадил себя, и теперь не знал, сколько времени прошло. Действие лекарства почти полностью рассеялось, не осталось той сводящей с ума неистовой жажды, только в голове ещё стояла лёгкая туманность, а тело было словно одеревеневшим.

Он открыл глаза, ожидая услышать радостный возглас Ван Дачжуана, но вокруг было тихо, слышалось лишь размеренное дыхание другого человека. Когда чёрная пелена перед глазами рассеялась и он смог разглядеть окружающее, Юй Чанцин не удержался от улыбки. Неудивительно, что Ван Дачжуан не вскрикнул от радости в ту же минуту, как он очнулся, да и тяжесть на теле объяснялась просто: тот лежал прямо на нём и всё ещё спал.

Он распластался у него на груди, волосы растрепались: половина рассыпалась по спине, половина разметалась по ложу. Обе руки крепко обнимали его. Они оба были полностью обнажены, кожа плотно прижималась к коже, даже ритм дыхания у них совпадал.

В сердце Юй Чанцина что-то дрогнуло и поднялась нежная волна чувств. Он не удержался и приподняв ослабевшую руку мягко положил её на спину лежащего на нём человека. Пальцы шевельнулись, приглаживая волосы, и отозвались колющей болью. Он знал, что это сломались ногти. Кто знает, из какого дерева сделано это ложе — оно не только не пострадало от его хватки, но и сломало ему ногти.

От этого движения Ван Дачжуан наконец медленно пробудился. Почувствовав, как по его спине легко скользит рука, он радостно воскликнул:

— Сяньцзюнь!

От радости он инстинктивно хотел вскочить, но, едва приподнявшись, вскрикнул от боли и рухнул обратно. В этот момент Юй Чанцин наконец понял, что что-то не так: снизу накатила волна оцепенения, заставив его невольно тихо простонать. Хриплым голосом он спросил:

— Дачжуан? Ты...

Ван Дачжуан, лёжа на нём, немного перевёл дух и снова попытался подняться. На этот раз он

не осмелился вскакивать резко, а медленно и осторожно приподнялся. Когда их тела разъединились, оба одновременно тихо застонали. Ван Дачжуан перевернулся и лёг рядом, скривившись и пережидая тянущую боль в бёдрах, затем повернул голову к Сяньцзюню и спросил:

— Сяньцзюнь, как ты себя чувствуешь?

Юй Чанцин всё ещё пребывал в потрясении. Повернув голову, он несколько раз глубоко вздохнул и наконец произнёс:

— Как ты...

Лицо Ван Дачжуана вспыхнуло до самых ушей. Он отвёл взгляд и, запинаясь, тихо пробормотал:

— Ты же был ранен... как я мог... Я видел в свитке, там... там был такой способ... В конце концов, я с детства привычен к трудностям, боли не боюсь... Так что...

Вдруг он испуганно воскликнул:

— Сяньцзюнь, так разве нельзя?

Юй Чанцин смотрел на него тяжёлым, глубоким взглядом и тихо ответил:

— Можно... ты, глупыш.

Он поднял руку, нежно коснулся лица Ван Дачжуана и мягко сказал:

— Дачжуан, какое счастье в этой жизни — встретить тебя.

Раньше положение Сяньцзюня было столь опасным, что Ван Дачжуан не имел возможности долго раздумывать. Он действовал в спешке, думая лишь о том, как бы спасти его. Теперь же, видя, что с Сяньцзюнем всё в порядке, и находясь с ним в такой... откровенной близости, Ван Дачжуан с опозданием покраснел, вспомнив предыдущие события, и его охватило смущение.

Но Сяньцзюнь был так нежен и полон чувства; его глаза, тёмные, словно чёрный нефрит, излучали глубокую нежность и полностью захватили сердце Ван Дачжуана, растворив остатки неловкости.

Сяньцзюнь ведь говорил, что совсем скоро они станут даолюями. А для них... двойное совершенствование — это же естественно. Точно так же, как у обычных супругов если после

свадьбы не делить ложе — вот это было бы странно. Да, именно так!

Подумав об этом, он наконец немного успокоился и начал наслаждаться близостью Сяньцзюня. Вдруг его зрачки резко сузились, он схватил Юй Чанцина за руку и, увидев на кончиках пальцев следы крови, спросил:

— Что с твоей рукой? Почему пальцы тоже повреждены?

Юй Чанцин тихо ответил:

— Ничего страшного, пустяковая рана, не болит.

Ван Дачжуан приподнялся на локте и, нахмурившись, стал осматривать его пальцы со всех сторон:

— Не обманывай меня, пальцы связаны с сердцем, а у тебя все ногти сорваны... это же так больно... Как это вообще получилось...

Бормоча себе под нос, он поднялся и подполз к краю постели, вытащил из груды одежды свою нижнюю рубаху, ловко разорвал её на полосы, достал мазь для ран и бережно перевязал все повреждённые пальцы Юй Чанцина. Затем помог ему сесть, прислонив к изголовью, накинул на его ноги свой верхний халат и принялся обрабатывать рану на его левом плече.

Юй Чанцин беспомощно произнёс:

— Это всего лишь поверхностная рана. Старший брат дал мне лекарство, кровь уже давно остановилась, ничего страшного. Ты сам устал, полежи, отдохни немного.

<http://bllate.org/book/12569/1117996>